

С.В. Цыб

Когда была битва на Калке (историография вопроса)

Когда ученые сталкиваются с событиями отечественной средневековой истории, датирование которых представляет загадку, им бывает трудно примириться с существованием таких хронологических «лакун», особенно если эти события считаются определяющими весь дальнейший ход исторического развития. Действительно, подобные ситуации создают большие неудобства и в научном описании прошлого, и в последовательном преподавании исторических знаний. Выход отыскивается в гласном или молчаливом признании широким кругом специалистов какой-то одной версии датировки, при этом предполагается ее большая аргументированность и убедительность в сравнении с другими. С течением времени эта версия приобретает черты непререкаемой хрестоматийной истины, одновременно с чем забываются все ее условности и недостатки и, естественно, исчезает интерес к ее дальнейшему научному совершенствованию.

К таковым относится и общепризнанная дата первой битвы русских с монголами на р. Калке. Со школьной скамьи всем памятни и привычны числа «31 мая 1223 г.», подтверждаемые как научной, так и учебной и популярной литературой [1, с. 858; 2, с. 40; 3, с. 105–106, 267–268; 4, с. 11–34 и др.]. Эта дата присутствует во всех школьных и студенческих учебниках последних полутора лет. Только удивление может вызвать мысль о том, что эта, казалось бы, несомненная датировка – условность не меньшая, чем, например, постройка Рима в 753 г. до н.э. или образование Древнерусского государства в 862 г.

Битва на Калке была одним из самых популярных сюжетов историко-хронологической литературы XIX и XX столетий. Знакомство с историографией этого вопроса наглядно демонстрирует ограниченность традиционных критико-сравнительных методов исследования, приводящих решение научной проблемы в тупик. Как раз поэтому мы сочли необходимым уделить тщательное внимание истории изучения этой даты. Наш историографический экскурс позволит проследить типичный для отечественной науки путь превращения ошибочной реконструкции в «безусловный историко-хронологический факт».

До середины XIX в. историки не были столь единодушны в датировании Калкской битвы, как ныне. Классики отечественной науки называли либо 1223 г., либо 1224 г., при этом еще и различно комбинировали годовые даты с календарными числами 30 мая, 31 мая и 16 июня. Повод к разногласиям давали русские летописи, которые представляли различные соединения четырех годовых номеров (6731–6734 гг.) и четырех

календарных дат (уже названные три и еще 16 июля). В такой ситуации каждый исследователь произвольно выбирал приглянувшееся ему сочетание или вычислял нечто похожее на среднеарифметическое показание.

В.Н. Татищев относил битву к 6731 г. (по его представлению, это был 1223 г. от Р.Х.) и писал о том, что «сия... тяжкая и неслыханная на Рускую землю победа случилась иуния 16 дня в день пятничный» [5, с. 218]. Понятно, что годовое и календарное показание он заимствовал из источника типа Воскресенской летописи (известно, что в его распоряжении был Алатырский список Воскресенской летописи [6, с. 10]), но происхождение дня недели этой даты загадочно. Ни в одном из дошедших до нас летописных текстов пятница не указывается при датировке битвы, впрочем, как не указываются и какие-либо другие недельные обозначения. Известно, что в распоряжении историка были несохранившиеся до наших дней летописи (Раскольничья и Голицинская), но они не могли стать источником появления необычного сведения, поскольку заканчивались описанием событий конца XII в. Почти без сомнения можно утверждать, что пятничный день для даты 16 июня 6731 г. В.Н. Татищев высчитал самостоятельно с помощью составленной им календарно-недельной таблицы («пасхальная табель»), которую он использовал для того, чтобы «сыскать... не токмо год, <но> и месяц, день» [7, с. 125, 128]. Вспомним и о том, что искусственная привязка сражений к пятничному дню имела в древнерусской литературе традиционный смысл [8, с. 234].

М.М. Щербатов также отдал предпочтение 1223 г., не решившись, однако, выбрать какое-либо календарное число. Номер года был определен им по относительной связи событий: во всех известных ему летописях битва на Калке предшествовала на один год приходу князя Михаила Всеволодовича в Новгород, которое он относил к 1224 г. Сославшись на то, что иностранные источники якобы подтверждают дату битвы, он первым наметил то направление, которое через полвека стало главным в изучении этой проблемы [9, с. 521, прим. 23].

«История государства российского» иначе комбинировала хронологические элементы. Н.М. Карамзин предпочел всем другим дату Новгородской первой летописи – 31 мая 6732 или 1224 г. Эти элементы он совместил с пятничным днем, целиком доверившись здесь недельному показанию «Истории российской» В.Н. Татищева [10, с. 484–488, 618–620]. Удивительно, что в этом случае Н.М. Карамзин нарушил одно из

своих неперменных правил – отвергать всю информацию предшествующих авторов, не находившую подтверждения в известных ему источниках.

Эту же дату признали известный исследователь древнерусской хронологии И.-Ф. Круг (об этом см.: [11, с. 316]), один из ревностных карамзинских последователей М.П. Погодин и один из его непримиримых критиков Н.А. Полевой, но у другого критика Н.М. Карамзина, Н.С. Арцыбашева, встречается дата 30 мая 1223 г. [12, с. 131–132; 13, с. 161; 14, с. 315–320]. Одним словом, количество различных исследовательских версий стало приближаться к разнообразию показаний летописных текстов.

Неспособность историков объяснить неразбериху летописных показаний постепенно формировала мнение о том, что «прямые показания русских источников о дне сражения не могут решить вопроса окончательно» [11, с. 316] и, значит, «в таких... случаях свидетельства иностранных источников больше необходимы» [15, с. 319], тем более, что к середине XIX столетия в историко-хронологических исследованиях наметилось господство школы «критическая хронология», которая идеализировала метод перекрестной проверки летописных известий сведениями иностранных авторов [16, с. 4–7]. Именно в такой ситуации и разгорелся спор, породивший «хрестоматийную» дату.

Поводом к его началу стало событие, далекое, на первый взгляд, от существа проблемы. В 1849 г. вышло рижско-лейпцигское издание «Хроники Ливонии». Благодаря кропотливым исследованиям дерптского ученого А. Ганзена здесь были исправлены многие издательские искажения первых публикаций источника, в том числе и хронологические [17, с. 47–83; 18, с. 69–72 и др.]. После этого «Хроника...» стала доступной для историко-хронологических исследований.

В начале 1853 г. известный лифляндский историк К.-Э. Напьерски рекомендовал Императорской Академии наук сочинение уездного школьного учителя из Эстляндии Эрнста Боннеля, посвященное сопоставлению датирующих показаний Генриха Латвийского с хронологией русских летописей (через год оно было напечатано в изданиях ИАН [19, №4, col. 49–57; №5–6, col. 69–94; №8–9, col. 113–131; 20, с. 283–344]). Рецензировать и представлять эту работу в заседании III Отделения Академии было поручено академику А.А. Кунику, который считался знатоком прибалтийской истории; к примеру, несколькими годами ранее он читал здесь доклад, посвященный сопоставлению русских и ливонских источников [21, col. 250]. В сообщении, прочитанном 18 февраля 1853 г., А.А. Куник с похвалой отзывался о методе исследования Э. Боннеля, который соответствовал всем правилам «критической хронологии». Эстляндский историк сначала синхронизировал абсолютные даты от Сотворения Мира русских летописей, преимущественно

но новгородских, с относительными показаниями «Хроники...», которая датировала все события годами паптырской деятельности местных епископов; последние даты, в свою очередь, он соотносил с годами эры от Рождества Христова западноевропейских источников. Таким образом, выстраивалась последовательная и относительно прочная перекрестно-сравнительная цепь хронологических показаний.

Однако один из конкретных выводов рецензируемого сочинения вызвал сомнение академика: 24-й год епископства Альберта, к которому «Хроника...» относил разгром русских монголами на Калке, Э. Боннель разместил в пределах весны 1222 г. – весны 1223 г., датируя, таким образом, битву весной 1222 г. [19, col. 85–94, 131]. Высказав сомнение в правильности подобной датировки и предварительно отметив одну ошибку Э. Боннеля (он, якобы, не учел того, что «Хроника...» искусственно соединила в одном году два разновременных события – приход монголов в Половецкие степи и битву на Калке), А.А. Куник объявил о своем намерении серьезно заняться изучением этого вопроса [11, с. 297–317; 22, col. 133–199; 23, с. 345–354].

В полном соответствии со своими исследовательскими принципами А.А. Куник построил затем разветвленную цепь перекрестных сопоставлений хронологических показаний русских летописных и нелетописных источников с иностранными сочинениями, рассказывающими о вторжении монголов в причерноморские страны (полный перечень всех звеньев этой цепи см.: [24, col. 201–204; 25, с. 467–476; 26, с. 462–466]). Для ее развернутой публикации представилась прекрасная возможность: в 1853 г. А.А. Кунику было поручено редактирование русскоязычных записок Императорской Академии наук, где он и помещал поначалу преимущественно собственные сочинения, по соображениям редакторской скромности подписывая их инициалом «К.».

Прежде всего академик «забраковал» опорный источник Э. Боннеля, поставив под сомнение строгую относительную связь событий «Хроники Ливонии». Отметив у Генриха Латвийского повторы в передаче некоторых известий, А.А. Куник вполне справедливо принял их за свидетельства неоднородности хроникального текста, за проявления многослойности его формирования с использованием авторских интерполяций [27, с. 776–778]. В связи с таким выводом не случайным было признано и двойное упоминание Калки: сначала «Хроника...» рассказывала в 23-м году епископства Альберта (1221–1222 гг.) о том, что князь Всеволод Мстиславич через год пострадал от татар, а сбор русских в поход против монголов и сама битва относилась к 24-му году Альберта (1222–1223 гг.). Совмещение двух последних событий в пределах одного года А.А. Куник посчитал ошибочным. Говоря о желании русских выступить в Калк-

ский поход в 24-м году, Генрих имел в виду, по мнению академика, разгром монголами половцев и обращение последних к русской помощи. Между этим событием и битвой на Калке, по умозрительным подсчетам исследователя, прошло не менее 8–10 месяцев, но немецкий хронист поддался желанию дать связное описание сюжета и искусственно соединил в одном году время появления монголов в Половецкой степи и время их битвы с русскими [27, с. 773–774]. Такое же «слияние» двух разновременных событий присутствовало и в Нейбургской хронике [28, с. 760]. Кроме того, по мнению А.А. Куника, эстляндский историк не обратил внимания на то обстоятельство, что у Генриха использовались годы так называемого благовещенского календарного стиля (день новогодия – 25 марта), почти на три месяца отстающие от январских годов эры от Рождества Христова [27, с. 767, прим. 7].

Куда более перспективным для перекрестной проверки было, по А.А. Кунику, не западноевропейское, а «восточное» направление. Самым надежным из источников этой группы он посчитал «Полный свод по истории» арабского писателя Ибн-аль-Асира, появившийся не позднее 1233 г. Этот автор писал, якобы, по горячим следам исторических происшествий начала XIII в., полагаясь только на личные впечатления и на сведения очевидцев. А.А. Куник с удовлетворением отмечал, что, в отличие от Генриха Латвийского, Ибн-эль-Асир разбил на два года интересующий историков эпизод: победу монголов над половцами он отнес к 619 г. хиджры (15 февраля 1222 г. – 3 февраля 1223 г.), а сражение с русскими – к 620 г. мусульманского летосчисления (4 февраля 1223 г. – 23 января 1224 г.). Прочность этой хронологии подкреплялась тем, что в 619 г. арабский писатель вполне справедливо отметил комету сентября 1222 г. Именно поэтому «Свод...» стал для А.А. Куника опорным источником в определении даты битвы на Калке [27, с. 778–779; 29, с. 636–668]. Эту версию вполне подтверждали и описанные тем же арабским и некоторыми другими авторами обстоятельства войны трапезундских Комнинов с сельджуками в 1223 г. [30, с. 734–746].

Что касается показаний русских летописных источников, то из их многообразия А.А. Куник скомпилировал дату 31 мая 6731 г. (календарная дата из Новгородской первой летописи, а номер года – из владими́ро-суздальской летописной традиции). Выбор календарного числа определялся тем, что именно оно соответствовало дню св. Еремия, отмеченному в той же Новгородской и в Лаврентьевской летописях, а 6731 г., принятый за мартовский год константинопольской эры, соответствовал дате битвы у Ибн-эль-Асира. Татищевское указание на пятницу А.А. Куник справедливо признал вымыслом, а появление в летописях 6732 г. он объявил редакционной механической сдвижкой первоначального годового числа

[27, с. 779–787; 31, с. 755–759]. Для придания убедительности таким выводам ему пришлось тщательно доказывать несостоятельность хронологии Новгородской первой летописи при описании событий 10–20-х гг. XIII в., которая, как мы помним, дала основания для появления двух различных версий датировки битвы на Калке (Н.М. Карамзин – 1224 г., Э. Боннель – 1222 г.); впрочем, в работах А.А. Куника можно встретить и утверждение о большей точности этого памятника в сравнении с другими [27, с. 766–768; 31, с. 758; 32, с. 793–794].

Чтобы расширить русскую часть своей перекрестно-сравнительной цепи, А.А. Куник проанализировал сведения древнерусской повести о перенесении иконы св. Николая в Новгород, входящей в цикл повестей о Николе Заразском. Этот анализ, однако, выглядит странным соединением заранее заготовленных критических замечаний с умозрительными рассуждениями о порядке следования событий, что совершенно не походит на общепринятые в исторической науке принципы критики источника. Так, ученый сразу отвергает дату повести (6732 г.) и произвольно меняет ее на 6731 г., утверждая, что икона могла оказаться в Новгороде только в год Калкской битвы, но уже после ее свершения [31, с. 747–748] (А.А. Куник, видимо, не был знаком со списками повести, относящими перенесение иконы к 6730 г. и, что особенно бы его устроило, к 6733 г. [33, с. 244–249]). Затем он постарался «вписать» показания повести в хронологию Новгородской первой летописи [31, с. 749–755], причем сама годовая сетка летописи, как мы уже знаем, не считалась им достоверной. Относительное показание повести о том, что икона оказалась в Новгороде на второй год после битвы, он просто проигнорировал, безосновательно объявив его поздней вставкой [32, с. 791]. Наконец, признавая позднее происхождение текста повести (здесь исследователь ссылался на мнение К.Ф. Калайдовича), А.А. Куник как бы признавал бессмысленность всей предыдущей аналитической работы [31, с. 758–759].

Итак, академик А.А. Куник сформулировал свой взгляд на проблему датировки первой русско-монгольской битвы. Свои выводы он довел до сведения эстляндского оппонента, который, как сообщил читателям сам академик, остался при своем мнении, по-прежнему отдавая предпочтение сведениям «Хроники Ливонии» [32, с. 796–798]. В научной дискуссии наступило временное затишье.

Немного позже другой прибалтийский исследователь Август Энгельман, несомненно, доказал применение благовещенского календарного стиля в ливонском времяисчислении [34, col. 342–351; 35, col. 328–329; 36, с. 94–181], что, казалось бы, еще более укрепило позиции А.А. Куника в этом споре. Именно тогда гипотетические построения петербургского ученого стали приобретать признаки хрестоматийной истины.

Через несколько лет, правда, научный спор вновь оживился. В 1862 г. Э. Боннель представил на академический конкурс обобщающее сочинение по русско-ливонской хронографии, которое затем было удостоено Демидовской премии. Здесь он вновь затронул дискуссионный вопрос и вновь подтвердил свою версию даты, сопроводив ее более тщательным, чем ранее, перекрестным сопоставлением «Хроники Ливонии» и русских летописей. Отвечая на одно из замечаний своего критика, он вполне убедительно доказал, что и с признанием благовещенского календарного стиля его вывод по поводу даты Калкской битвы не меняется. Более того, историк-провинциал набрался смелости предпринять несколько, хотя и весьма робких, контрвыпадов в адрес своего титулованного рецензента. Например, он обратил внимание на то, что некоторые из сообщений Новгородской первой летописи, объявленные А.А. Куником ошибочными, имеют твердые хронологические основания [37, с. 58–64]. Столичный оппонент не нашел на этот раз никаких новых аргументов в пользу своей точки зрения и лишь посетовал на упрямство противника, не забыв при этом одобрить верность Э. Боннеля перекрестно-сравнительной методике [38, col. 341–348; 39, с. 143–152]. Впрочем, благодушие петербуржца вполне объяснимо: к тому моменту прочности его позиций уже ничего не угрожало, поскольку авторитетное мнение заслуженного академика в глазах ученой общественности возобладавало над мнением уездного учителя истории.

Если же не принимать в расчет научной субординации участников этой дискуссии, тогда следует признать, что аргументация обеих сторон была совершенно равносильной, так как одинаково выстраивалась по всем правилам критико-хронологической метoды. Разные направления перекрестного сравнения, подобно разнонаправленным векторам, оставили «воз» хронологической проблемы «и ныне там». Дискуссия о дате Калкской битвы показала ограниченность перекрестно-сравнительной методики, способной установить истинность исторического факта, но не предназначенной для оценки достоверности его описания в источниках. В нашем случае это тем более очевидно, потому что к версиям Э. Боннеля и А.А. Куника можно добавить появившиеся уже в XX в. новые перекрестно-сравнительные цепочки, которые увеличивали сумятицу выводов.

К тому времени куниковская дата уже прочно закрепилась в исторических учебниках и приобрела доверие большинства ученых. Так продолжалось до конца 1920-х гг., когда А.Б. Салтыков решил проверить точность доказательств своего предшественника. Эта проверка выяснила прежде всего факт избирательного интереса А.А. Куника к своему основному информатору: из показаний Ибн-аль-Асира он выбрал только то, что соответствовало его представлениям о времени

битвы, не обращая внимания на прочие детали. Так, создатель хрестоматийной даты совершенно проигнорировал странную «блеклость» мосульского хрониста в передаче хронологии монгольского похода в Половецкую степь в сравнении с подробнейшим описанием деятельности завоевателей в Персии и Закавказье. Не заинтересовало А.А. Куника и сообщение арабского автора о долгом пребывании монголов в степном Причерноморье накануне и после экспедиции в Крым [40, с. 9–10].

Расширив перекрестно-сравнительный поиск по «восточной» линии, А.Б. Салтыков установил, что здесь находятся точнейшие исторические свидетельства, не позволяющие относить первую русско-монгольскую битву ко времени ранее 1224 г. Это были, во-первых, эпиграфические записи болгарского происхождения о монгольском разорении Среднего Поволжья в 623 г. хиджры (2 января – 21 декабря 1226 г.). Совместив это показание с сообщениями Ибн-аль-Асира и русских летописей о том, что вскоре после Калкской битвы Джебе и Субедей направились в Булгар, можно было признать, что сама битва состоялась незадолго до 1226 г. Это рассуждение окончательно опровергало достоверность показаний арабского источника, столь почитаемого А.А. Куником, поскольку там Булгарский поход помещался в тот же самый год, что и битва на Калке (620 г. хиджры, или 4 февраля 1223 г. – 23 января 1224 г.) [40, с. 8–9]. Становилось ясно, что хроника Ибн-аль-Асира дополнялась (и редактировалась!) после смерти ее автора (1223 г.) кем-то из его последователей.

Вторым сообщением, опровергавшим хрестоматийную версию, была приписка к дате 27 января в греческом Синаксарии XIII в. из Судака, которая сообщала о том, что «в тот же день пришли впервые татары 6731 года» (цит. по: [40, с. 12]). Эту дату А.Б. Салтыков признал константинопольской сентябрьской и перевел ее как 27 января 1223 г. Если учесть, что затем монголы долго пребывали в Половецкой степи (по Ибн-аль-Асиру), тогда время битвы с русскими отодвигается на 1224 г. или на более позднее время. В связи с этим любопытно замечание А.Б. Салтыкова о том, что болгарские и крымские сведения были известны во времена жизни А.А. Куника, из чего напрашивался вывод о намеренном их замалчивании историком XIX в.

Исследование А.Б. Салтыкова, построенное, как и у его предшественников, по правилам перекрестно-сравнительной хронологии, вполне определенно указывало на то, что *битва на Калке не могла произойти раньше 1224 г.* Сам А.Б. Салтыков отнес ее к 31 мая 1224 г., положившись на дату Новгородской первой летописи (ее он посчитал константинопольской мартовской) как на хронологическую веху, ближе всего расположенную ко времени появления монголов в Восточной Европе. «Неудобное» календарное по-

казание русских летописей (16 июня) исследователь посчитал не связанным с батальным сюжетом и отнес его, как это было в Тверской и Густынской летописях, к началу княжения Владимира Рюриковича в Киеве после разгрома русских на Калке [40, с. 5, 12]. При всей стройности такого построения оставался, однако, непонятным хронологический разноречивый русских летописных источников. Отметим также, что это историко-хронологическое исследование по каким-то причинам не привлекло внимания ученой общественности, и поэтому хрестоматийная дата продолжала копироваться многочисленными учебниками и научными сочинениями.

В 1944 г. Л.В. Черепнин, выпустивший замечательное учебное пособие по исторической хронологии, в качестве примера применения методов этой науки вскользь коснулся дискуссионного вопроса о времени битвы на Калке. Он постарался согласовать все известные датирующие элементы этого события («пятница» В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина, все календарные даты летописей, относительные показания о восьми или девяти днях продвижения русских по степям после переправы через Днепр во вторник, сведения Ибн-аль-Асира, и пр.), тем самым придавая всем этим противоречивым показаниям одинаковую ценность. Такая исследовательская компиляция неожиданно привела его к повторению татищевской даты – 16 июня 1223 г., которая все же не выглядела убедительной, потому как между предполагаемым днем переправы русских дружин через Днепр (вторник, 6 июня) и днем битвы (пятница, 16 июня) никак не насчитывается ни восемь, ни девять дней [41, с. 91–92]. Эта версия, хотя и была построена на иных, чем у А.А. Куника и А.Б. Салтыкова основаниях, не объясняла все же ни одного из летописных показаний.

В.Т. Пашуто продолжил поиски в рамках совершенно забытого в XX в. западного направления перекрестной проверки и обнаружил весьма оригинальное свидетельство. В «Великой хронике» Матфея Парижского передавалась речь русского священника Петра на Лионском соборе (1245 г.), в которой рассказывалось о первом пришествии монголов 26 лет

назад, что заставляло датировать битву на Калке 1219–1220 гг. [42, с. 205, прим. 1]. Получалось, что западная линия, основанная еще Э. Боннелем, последовательно удревняла время битвы, а «восточная», наоборот, заставляла приближать ее к моменту смерти Чингисхана. Хронологический диапазон возможных вариантов датировки битвы стал достигать таким образом пяти-шести лет.

Несостоятельность научно-исторического знания нашла свое отражение и в художественной литературе. Это проявилось, например, в знаменитых исторических романах В.Г. Янчевецкого (Ян). В одном случае писатель утверждал, что смерть киевского князя Мстислава и ростовских богатырей произошла во время битвы на Калке в 1223 г. [43, с. 273, прим. 1, с. 304, прим. 1], в другом – отнес битву к 1224 г. [44, с. 6, прим. 1].

Итак, история изучения калкской хронологии недвусмысленно указывает на то, что апелляции к иностранным сведениям не смогут заменить тщательного историко-хронологического исследования русских летописных показаний, которые одни только и могут стать ключом к разгадке проблемы. Можно поэтому согласиться с резюме Д. Феннела по поводу изучения битвы на Калке: «Восточные источники (добавим и западноевропейские. – С.Ц.) ... не сообщают сколь-нибудь ценной информации» [45, с. 131, прим. 4]. Разноголосица русских памятников совсем не является отягчающим задачу обстоятельством, а наоборот создает условия для поиска верного решения. Не следует только стремиться к идеальному согласованию всех противоречивых вариантов датировки, как это сделал в свое время Л.В. Черепнин, потому что этот путь все равно оставляет за пределами реконструкции какие-то хронологические элементы и не объясняет их присутствия в текстах. Не стоит, очевидно, прибегать и к произвольным, хотя и очень удобным для исследователя предположениям, как, например, сделал А.Б. Салтыков, посчитавший, что дата 16 июня вообще не относится к Калкской битве. Правильный путь решения проблемы подсказывает само разнообразие информации летописных текстов.

Библиографический список

1. Советская историческая энциклопедия. – М., 1965. – Т. 6.
2. История СССР с древнейших времен до наших дней. – М., 1966. – Т. 2.
3. Бережков, Н.Г. Хронология русского летописания / Н.Г. Бережков. – М., 1963.
4. Голыженков, И. Битва на Калке 31 мая 1223 г. / И. Голыженков. – М., 1993.
5. Татищев В.Н. История российская / В.Н. Татищев. – М.; Л., 1964. – Т. III.
6. Клосс, Б.М. В.Н. Татищев и начало изучения русских летописей / Б.М. Клосс, В.И. Корецкий // Летописи и хро-
- ники: 1980 г. – М., 1981.
7. Татищев, В.Н. История российская / В.Н. Татищев. – М.; Л., 1962. – Т. I.
8. Данилевский, И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) / И.Н. Данилевский. – М., 1999.
9. Щербатов, М.М. История российская от древнейших времен / М.М. Щербатов. – М., 1771. – Т. II.
10. Карамзин, Н.М. История государства российского / Н.М. Карамзин. – М., 1991. – Т. III.
11. К. [Куник А.А.] Хронологическая таблица, составленная Э. Боннелем на основании Генриха Лотышского

и некоторых русских летописей // Ученые записки Императорской Академии наук по I и III Отделениям (далее – УЗ). – 1853. – Т. II, вып. 2.

12. Погодин, М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории / М.П. Погодин. – М., 1850. – Т. IV.

13. Полевой, Н.А. История русского народа / Н.А. Полевой. – М., 1997. – Т. II, кн. 3.

14. Арцыбашев, Н.С. Повествование о России / Н.С. Арцыбашев. – М., 1838. – Т. I, кн. 2.

15. К. [Куник А.А.] Выписка из Генриха Лотышского о русских событиях 1221–1223 годов // УЗ. – 1853. – Т. II, вып. 2.

16. Цыб, С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет» / С.В. Цыб. – Барнаул, 1995.

17. Hansen, A. Zu Einer Neuen Ausgabe Heinrich des Letten / A. Hansen // Verhandlungen der Gelehrten Ehstnischen Gesellschaft Zu Dorpat. Bd. II. H. 1. Dorpat. – Leipzig, 1847.

18. Hansen, A. Nachträge Zu Meinem Aufsatz Über die Chronologie Heinrich des Letten / A. Hansen // Verhandlungen der Gelehrten Ehstnischen Gesellschaft Zu Dorpat. Bd. II. H. 2. Dorpat. – Leipzig, 1848.

19. Bonnell, E. Die Chronologie Heinrichs des Letten Verglichen Mit den Zeitangaben Einiger Russischen Chroniken / E. Bonnell // Bulletin de la Classe Historico-Philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg (далее – BHP). – 1854. – Т. IX.

20. Bonnell, E. Die Chronologie Heinrichs des Letten Verglichen Mit den Zeitangaben Einiger Russischen Chroniken / E. Bonnell // Mélanges Russes, Tiré de Bulletin de l'Académie Impériale des St.-Petersbourg (далее – MR). – 1854. – Т. II. Livr. 3.

21. Fuss, P. Compte Rendu de l'Année 1850 / P. Fuss // BHP. – 1851. – Т. VIII, №15–17.

22. Kunik, E.E. Vorläufige Andeutungen Über das Jahr der Schlacht An der Kalka, Mit Besonderer Rücksicht Auf Heinrich den Letten / E.E. Kunik // BHP. – 1854. – Т. IX, №9.

23. Kunik, E.E. Vorläufige Andeutungen Über das Jahr der Schlacht An der Kalka, Mit Besonderer Rücksicht Auf Heinrich den Letten / E.E. Kunik // MR. – 1854. – Т. II. Livr. 3.

24. Kunik, E.E. Renseignements Sur les Sources Et Recherches Relatives à la Première Invasion des Tatares En Russie / E.E. Kunik // BHP. – 1855. – Т. XII, №12–13.

25. Kunik, E.E. Renseignements Sur les Sources Et Recherches Relatives à la Première Invasion des Tatares en Russie / E.E. Kunik // MR. – 1855. – Т. II. Livr. 4.

26. Kunik, E.E. Renseignements Sur les Sources Et Recherches Relatives à la Première Invasion des Tatares En Russie / E.E. Kunik // Mélanges Asiatiques, Tiré de Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. – 1855. – Т. II.

27. К. [Куник А.А.] О признании 1223 года временем битвы при Калке // УЗ. – 1854. – Т. II, вып. 5.

28. К. [Куник А.А.] О походе татар в 1223 году по Нейбургской летописи // УЗ. – 1854. – Т. II, вып. 5.

29. К. [Куник А.А.] Выписка из Ибн-эль-Атира о первом нашествии татар на кавказские и черноморские страны, с 1220 по 1224 г. // УЗ. – 1854. – Т. II, вып. 4.

30. К. [Куник А.А.] О связи трапезунтско-сельджукской войны 1223 года с первым нашествием татар на Северное Черноморье // УЗ. – 1854. – Т. II, вып. 5.

31. К. [Куник А.А.] О перенесении иконы св. Николая из Корсуна в Новгород в 1223 г. (материалы, служащие к восстановлению первобытной Новгородской летописи с 1208 по 1224 г.) // УЗ. – 1854. – Т. II, вып. 5.

32. К. [Куник А.А.] Дополнения к статьям о трапезунтских и татарских делах // УЗ. – 1854. – Т. II, вып. 5.

33. Лихачев, Д.С. Повести о Николе Зарзском / Д.С. Лихачев // Исследования по древнерусской литературе. – Л., 1986.

34. Engelmann A. Beiträge Zur Berichtigung der Russisch-Livländischen Chronologie / A. Engelmann // BHP. – 1855. – Т. XII, №21–22.

35. Kunik, E.E. Ueber die Chronologische Abhandlung des Hrn. A. Engelmann / E.E. Kunik // BHP. – 1855. – Т. XII, №21–22.

36. Энгельман, А. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях / А. Энгельман. – СПб., 1858.

37. Bonnell, E. Russisch-Livländische Chronographie Von der Mitte des Neunten Jahrhunderts Bis Zum Jahre 1410 / E. Bonnell. – St.-Petersburg, 1862.

38. Kunik, E.E. Beiträge Zum Russischen Chronographie: I. Ueber die «Russisch-Livländische Chronographie» des Herrn Bonnell / E.E. Kunik // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. – 1862. – Т. V.

39. Куник, А.А. О русско-ливонской хронографии г<осподина> Боннеля / А.А. Куник // Записки Императорской Академии наук. – 1862. – Т. 2, кн. 2.

40. Салтыков, А.Б. Хронология битвы при р. Калке / А.Б. Салтыков // Ученые записки Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. – М., 1929. – Т. 4.

41. Черепнин, Л.В. Русская хронология / Л.В. Черепнин. – М., 1944.

42. Пашуто, В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси / В.Т. Пашуто. – М., 1950.

43. Ян, В.Г. Чингиз-хан / В.Г. Ян. – Нукус, 1975.

44. Ян, В. Г. Батый / В.Г. Ян. – Нукус, 1975.

45. Феннел, Д. Кризис средневековой Руси: 1200–1304 / Д. Феннел. – М., 1989.